Н. КРАМАРЕНКО

О. ЩЕТИНИН

ЦВЕТОК ВОЗМЕЗДИЯ

КНИГА I. ВЕСТНИК

18+

Наталия Крамаренко

Цветок Возмездия. Книга 1. Вестник

«Автор»
2026

Крамаренко Н.

Цветок Возмездия. Книга 1. Вестник / Н. Крамаренко — «Автор», 2026

Она очнулась в кровавом круге посреди леса. Без памяти, без прошлого, без цели. Только голод и странное ощущение: когда-то у неё было Задание... А ещё – память о том, что людей есть нельзя.Как связаны девушка без памяти, обескровленные тела жертв древнего ритуала и жестокие убийства в Москве? Ответ на этот вопрос ищут самые разные люди. Сотрудник МУРа, капитан Грач, охотится на маньяка по старинке, опираясь на улики, показания свидетелей и профессиональное чутьё. Оперативник Тайного приказа брат Пётр ищет следы чёрной магии. Подполковник Особой канцелярии Гончаров годами выслеживает неуловимого киллера по прозвищу Призрак...Их дороги сходятся на девушке из леса.Российская империя, 2008 год. Магия реальна. Вампиры живут среди людей, оборони работают в силах быстрого реагирования. А грехи прошлого века оборачиваются кровавой жатвой в настоящем.Попаданцы, альтернативная история, городское фэнтези, полицейский процедурал «Взболтать, а не смешивать»!

© Крамаренко Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Местоположение не определено 6
18 июля 2008 г., пятница 10
19 июля 2008 г., суббота 17
20 июля 2008 г., воскресенье 31
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Цветок Возмездия. Книга 1. Вестник

Н. Крамаренко
О. Щетинин

ЦВЕТОК ВОЗМЕЗДИЯ
Книга 1. Вестник.

Она очнулась в кровавом круге посреди леса. Без памяти, без прошлого, без цели. Только голод и странное ощущение: когда-то у неё было Задание... А ещё – память о том, что людей есть нельзя.

Как связаны девушка без памяти, обескровленные тела жертв древнего ритуала и жестокие убийства в Москве? Ответ на этот вопрос ищут самые разные люди. Сотрудник МУРа, капитан Грач, охотится на маньяка по старинке, опираясь на улики, показания свидетелей и профессиональное чутьё. Оперативник Тайного приказа брат Пётр ищет следы чёрной магии. Подполковник Особой канцелярии Гончаров годами выслеживает неуловимого киллера по прозвищу Призрак...

Их дороги сходятся на девушке из леса.

Российская империя, 2008 год. Магия реальна. Вампиры живут среди людей, оборони работают в силах быстрого реагирования. А грехи прошлого века оборачиваются кровавой жатвой в настоящем.

Попаданцы, альтернативная история, городское фэнтези, полицейский процедурал… «Взболтать, а не смешивать»!

© Н. Крамаренко, О. Щетинин, текст, 2026
© Н. Крамаренко, оформление обложки, 2026

Местоположение не определено

Непосредственной опасности нет.

Это стало ясно сразу. Ещё до того, как оно определило своё положение в пространстве. Но «верх» и «низ» – слишком мало, чтобы понять, что происходит, а всё остальное сбивало с толку и пугало.

Непонятный высокий и прерывистый звук с неуловимым рваным ритмом.

Прохлада и свет. Неправильный свет, слишком тусклый. Это чувствовалось даже сквозь опущенные веки.

Запахи. Их было много, некоторые казались знакомыми, но в целом не несли никакой полезной информации.

Ошибка идентификации.

Отсутствие цели.

Надо позиционировать себя. Оно открыло глаза, но стало только хуже. Светлые и тёмные пятна не желали складываться в единую картину. Понятно только, что пустота – внизу, а…

Пустота – внизу?

Оно извернулось, чтобы хоть за что-нибудь ухватиться, не упасть. Зажмурилось. Застыло. Оно лежало на чём-то твёрдом и удивительно надёжном. Пустота была сверху. Так, как и должно быть.

Оно медленно, осторожно приоткрыло глаза. Низ – внизу. Верх – наверху. Оно не падает. Это хорошо.

А вот открытое пространство – это плохо. Могут увидеть.

Надо изменить диспозицию.

И нужна цель.

Но цели нет. От этого пусто и холодно в голове, и эту неуютную пустоту надо срочно чем-то заполнить. Тогда станет просто и определённо, тепло и спокойно. А сейчас всё неправильно, и непонятно, что с этим делать. Оно свернулось клубком, застыло. Ему было плохо, от пустоты хотелось выть и грызть что-нибудь. Хотя бы собственную конечность.

Собственную руку.

Руку?

Что-то шевельнулось внутри, опасное и чужое. Стоило бы достать это, но пальцы – пальцы? – наткнулись на гладкое и податливое, под которым было твёрдое, и добраться до шевеления не получилось. А оно было лишним и мешало, без него точно станет лучше, его надо убрать, но как? Шевеление становилось всё сильнее, оно уже не просто раздражало, а угрожало, и…

Думать. Это называется «думать». Думать – это самостоятельно назначать цели и ставить задачи. Думать – это…

Оно взвыло, зажмурилось, сжалось в комок. Что-то неимоверно страшное готовилось обрушиться, смести, раздавить, и тут не помогут ни когти, ни зубы. Оставалось прятаться или убегать, но было поздно.

В сознание хлынули слова. Мир вокруг распался и снова собрался воедино, обретая формы и структуры. Зелёное внизу, влажное, прохладное, колкое и мягкое одновременно, стало травой. А то зелёное, что тихо-тихо шуршало наверху – кронами деревьев. Непонятный прерывистый звук превратился в птичье щебетание, а пустота – в поляну, освещённую мягким рассеянным светом раннего утра. Пахло травой, влажной землёй, мелкой живностью, мхом… Кровью.

Оно медленно втянуло воздух. Обнюхало руки. Нет, запах шёл не от них. Огляделось. Потянулось к лежащему рядом рюкзаку – всё правильно: цель, задание, снаряжение… Но цели нет… Значит, всё неправильно. А неправильно – это потенциально опасно.

И бурые кляксы на траве и на смешном цветочке, белом с жёлтой серединкой – тоже знак опасности. Но крови здесь больше, чем эти несколько пятен. Запах слишком сильный, противный и притягательный одновременно. Судя по нему, несколько часов назад здесь убили кого-то. И не одного. Минимум четверых.

Но непосредственной опасности нет.

Оно встало, оглядело неровный кровавый круг, в центре которого оказалось.

Думать. Надо думать. Самой.

Сам*ой*?

Несущественно.

Итак, значимые факторы:

Цели нет, и процесс адаптации нарушен.

Здесь убили кого-то.

Вокруг – поляна. Открытое пространство.

Значит, отсюда надо уходить.

Спустя некоторое время – солнце поднялось достаточно высоко – оно сидело на берегу ручья над разобранным рюкзаком и в очередной раз пыталось хоть что-то понять.

Оно уже выяснило, что вода в ручье пригодна для питья. Что оно выглядит как человек, но непонятно, правильно это или нет: отражение в маленьком зеркальце казалось знакомым и незнакомым одновременно. Что на нём (на ней?) хорошая плотная одежда, но при этом не очень подходящая для леса. Что рюкзак собран неправильно, и это очень важно, хотя неясно, почему. Да он и не был собран: правильно оказались упакованы только два коротких клинка в тёмных ножнах, плотно стянутые боковой шнуровкой. А всё остальное лежало вперемешку, вещи просто кое-как засунули внутрь, без всякого смысла.

Но со смыслами вообще получалось не очень. Каждую вещь надо было ощупать, разглядеть, обнюхать – и только после этого появлялось нужное *слово*. За ним тянулся ассоциативный ряд, иногда настолько напряжённый, что приходилось сидеть и ждать, пока уляжется буря в голове. А иногда не происходило ничего.

Проще всего было разобраться с одеждой: вот это парадная, это – походная. А обувь была только парадная – кроме высоких шнурованных ботинок на ногах. От длинного чёрного одеяния, шершавого и мягкого на ощупь, исходил странный запах, тревожный, горьковатый и тёплый. Почти вся одежда так пахла, но именно этот был чуть-чуть другим. Словно их было два, один помягче, второй – понасыщеннее, пожёстче, даже не запах, а его след, отголосок. Слова «парные духи» ничего не сказали, но внутри стало тесно и больно, защипало глаза и захотелось тихонько завыть... заплакать. Оно посидело, прижимая чёрное к груди, потом вернулось к изучению рюкзака. Непонятные белые штаны надолго сбили с толку: слишком короткие, чтобы давать нормальную защиту ногам, но слишком плотные и с карманами, чтобы быть бельём. Память подкинула слово «шорты», потом – «курорт», но второе не вызвало никаких ассоциаций.

В рюкзаке было ещё много вещей, названия которых оно вроде помнило, но они не имели отношения к выживанию и обеспечению безопасности, значит, сейчас на них отвлекаться не стоит. Внимание привлёк только большой сверкающий кристалл на цепочке. Очень красивый, но неприятный, даже угрожающий. Тянуло смотреть на него, не отрываясь, любоваться игрой света в идеальных гранях – и одновременно хотелось выбросить эту гадость, чтобы никогда больше не видеть. Оно чуть не зашвырнуло кристалл в ручей – неширокий, но глубокий и быстрый, – но остановилось в последний момент. В том, чтобы выбросить кристалл, было что-

то… неправильное. Оно надело цепочку на шею. Она была достаточно длинной, чтобы камень скрылся под одеждой. Холодный и колкий, он не хотел согреваться, но оно быстро привыкло к новому ощущению. В конце концов, эта штука не несёт никакой информации, значит, пока её можно игнорировать.

А вот в карманах верхней одежды – *куртки*– обнаружилось кое-что интересное.

Средство связи. Пальцы автоматически включили его, но устройство не работало. Вернее, если судить по бегущей по экрану надписи, не могло подключиться к местной инфосети. Или её тут вообще не было. Пачка разноцветных плотных прямоугольничков однозначно опозналась как платёжные средства, но если инфосети нет, то они тоже вряд ли будут полезны. Лучшей находкой оказался маленький пистолет в скрытой кобуре под курткой. Он придавал некую… уверенность и определённость. Оружие... Задание... Но почему лес, если всё, что лежит в рюкзаке, для полевых условий не годится?

И хотелось есть. Оно не сразу сообразило, что это за противное чувство в животе. Это пока не стало проблемой и вряд ли станет в ближайшее время, но рано или поздно её надо будет решать. В рюкзаке нашлось несколько толстеньких, сладко пахнущих плиток в ярких упаковках – точно не стандартные рационы, а что тогда? Оно повертело одну такую штуку в руках и положило обратно. Ресурсы следовало экономить.

Оно заново упаковало рюкзак, правильно и компактно, и попыталось встать. Но колени почему-то подломились, оно осело на землю и отключилось.

Судя по теням и общему ощущению, без сознания оно пролежало долго, но затянувшийся обморок, как ни странно, пошёл на пользу. Буря в голове поутихла, мысли текли почти спокойно, но информация о задании и о том, как оно сюда попало, всё так же отсутствовала.

И о том, что оно такое.

Или всё-таки – что *она*такое? Да, кажется, именно так. Не оно. Она.

Это что-то меняет? На текущий момент – нет. Значит, эту информацию пока можно игнорировать.

На этот раз она встала осторожно, но головокружение не повторилось. Решив не рисковать, она достала и надкусила плитку рациона. Сладкий тягучий вкус вызвал в памяти название – «протеиновый батончик». На полноценную еду это не тянет, но хоть энергию даст. Голод не прошёл, но стало полегче. Она надела рюкзак и пошла. Просто вперёд. Надо же куда-то идти.

Лес наполняла жизнь: кто-то мелкий копошился в траве и кустах, в кронах деревьев шуршали птицы. Крупные звери пока не попадались, хотя понятно было, что они тут есть. Ей нравился этот лес – чистый, душистый и свежий, в нём можно жить, он казался уютным и безопасным. Здесь было почти хорошо… Но из памяти не выходил кровавый круг на поляне.

Это сделал кто-то разумный. Кто-то не просто убил нескольких существ – он сделал это так, чтобы пролившаяся кровь образовала определённый рисунок. Какой во всём этом смысл, предстояло узнать. И, может быть, тот, кто всё это устроил, знает, кто она и зачем здесь оказалась?

Запах костра она идентифицировала сразу. Это был именно костёр, не пожар. И оттуда тянуло едой и… ещё чем-то.

Людьми. Там были люди. Много людей.

Она остановилась, принюхалась и прислушалась, оценивая обстановку. До костра далеко, но впереди, за деревьями пустое пространство. Источник запаха в стороне, но на прогалине, кажется, тоже кто-то есть. Отдельный… объект. Он не просто ощущался там, он ещё и побрякивал и позвякивал, словно возился с чем-то металлическим и разрозненным. Если этот объект разумен – а это, скорее всего, так, то он – потенциальный источник информации. Этим надо воспользоваться.

Она осторожно, чтобы ничего не хрустнуло, опустила рюкзак на землю и двинулась к прогалине.

Ждать пришлось недолго. По дороге – грунтовой, ровной, сухой, никаких следов не видно – действительно кто-то шёл, не таясь и не осторожничая. Очень силён и уверен в себе? Считает, что лес безопасен? Или что?

Из-за поворота появился человек в доспехах, которые в первый момент показались ей совершенно *не такими*. Только всплывшее в памяти слово «рыцарь» расставило всё по местам. Чёрные доспехи, на нагрудной пластине изображено что-то белое – дерево какое-то, вроде, не разобрать. Шлем с украшением из чёрных перьев, меч на поясе... Рыцарь, да. Вроде у него должно быть средство передвижения под названием «конь», но обязательно ли это?

Неважно. Рыцарь один, и надо быстро определить, как действовать. Нападать или вступать в переговоры? Или показать себя и подождать его реакции? Пожалуй, третий вариант был самым удачным.

Она уже начала выбираться на дорогу, когда вспомнила – очень вовремя, ничего не скажешь! – что языки бывают разные, что языков очень много, и она понятия не имеет, на каком говорить здесь и сейчас. И как это вообще – говорить? Осознание было настолько неожиданным и сильным, что она застыла в растерянности, наполовину выбравшись из кустов.

И рыцарь её увидел. Выхватил меч и с непонятным криком: «Умри, чёрная эльфийка!», – бросился вперёд.

18 июля 2008 г., пятница

Лес у посёлка Яхрома, Московская область

Капитан Анисимов уже привык к тому, что коллеги называли его Анискиным. По молодости он возмущался – ну нет в этом ничего героического! – а потом понял одну простую вещь. Ребята из криминальной полиции, СОБРа, ОМОНа и прочих спецназов, конечно, круты, но когда речь идёт о каждодневной работе – скучной, муторной, утомительной, часто грязной, вытягивают её как раз муниципалы-«анискины» – участковые и ППСники. Именно к ним бегут за помощью, именно они решают те вроде как мелкие каждодневные проблемы, которые сильнее всего мешают людям спокойно жить. А подвиги… Он помнил свою преподавательницу из Академии, бывшую следачку, которая читала им логику. Как-то её спросили, какой самый храбрый поступок она совершила, когда «на земле» работала. Понятно, ждали рассказа о чём-то героическом, а услышали в ответ историю, как в те самые «лихие восьмидесятые» ей предложили взятку за прекращение уголовного дела. «У меня есть дача, квартира и две машины. Хватит?» Было это за неделю до Рождества, муж следачки, инженер, уже три месяца сидел без работы и перебивался случайными заработками, ей самой в очередной раз задержали зарплату, и из еды у них дома на тот момент было две пачки макарон, килограмм сахара и пачка чая... Следователь взятку не взяла, зато ещё одну статью злодею довесила. Вот после этого Анисимов впервые о сути подвигов и задумался.

Хорошо, что всё хорошо закончилось. А ведь в 1988-м, когда Его Величество – тогда ещё Великий князь Константин Александрович, – сместил старшего брата, казалось, что Империю только чудо спасёт. Но вывезли как-то. Долго, с трудом – но вывезли. Вот с тех пор для Анисимова слова «либерал» и «демократ» ругательствами и стали.

Слава Богу, нынешняя мóлодежь вообще не представляет, как это было. У этих ребят свои интересы, свои привычки. Иногда Анисимов их просто не понимал. Взять этого младшего лейтенанта Сашу Гришина, который преддипломную практику у них проходит. Хороший пацан, подтянутый, аккуратный, ответственный. Но когда узнал, что у них за работа сегодня, разочарование скрыть не сумел. А чем тут недовольным быть? Не задача, а отдых: солнце, природа, тишина, только птички поют. Здесь даже машин не слышно, хотя оживлённое Дмитровское шоссе всего в паре километров. Если ничего не случится, так вообще, считай, выходной.

Анисимов вздохнул. Он любил поболтать, пообсуждать футбол и рыбалку, но пацан предпочитал сидеть, уткнувшись в новомодный смартфон, а их третий, прикомандированный, оказался на редкость молчаливым типом. И непонятным. Крепкий, здоровый мужик, на котором «ВДВ» метровыми буквами написано, спокойный, даже тихий. Возраст не понять – вроде молодой ещё, младше Анисимова точно, а виски седые. Одет в «горку», словно в лес по грибы собрался. Сергеич на разводе просто перед фактом поставил: вот вам, Анисимов, прикомандированный на эти дни, капитан Андронов, прошу любить и жаловать. «Можно просто Пётр», – улыбнулся прикомандированный, и вот тут Анисимов увидел его глаза. Очень они ему не понравились. Светлые, словно размытые – или, скорее, пеплом припорошённые. Слышал Анисимов про такое, хотя видеть не доводилось. Прикинул, где этот Пётр мог воевать, но решил, что не его это дело. Захочет – расскажет. Хотя любопытно было, чего скрывать.

Но Пётр почти ничего о себе не рассказывал. Честно признался, что в рыбалке не разбирается, а за футболом не следит, но рассуждения Анисимова слушал с интересом и вопросы задавал по делу. Когда они собрались перекусить, выложил на общий стол пакет ватрушек и бутерброды, с собой у него оказалось два термоса – с кофе и чаем… В общем, нормальный мужик. Вот только глаза…

– Завтра мы тоже здесь дежурить будем? – Саша Гришин оторвался от смартфона и выбрался из машины размяться.

Сам Анисимов с удовольствием подежурил бы тут и три, и четыре дня. Главное, чтобы погода не испортилась, но прогноз вроде хороший был. И чтобы не случилось ничего, конечно.

– Есть циркуляр Тайного приказа, – объяснил он. – Когда ролевики игрища свои проводят, дежурить. Не всегда, а только в некоторые дни, – и тут Анисимов наконец-то понял, откуда их «прикомандированный».

ТПДР. Тайный приказ действительных религий.

Двадцать лет назад, когда Империя начала рушиться, привычный мир грозил развалиться на кусочки, а люди перестали понимать, что происходит, изо всех щелей полезли «маги», «потомственные волхвы», «гадалки из древнего рода» и прочие «ведьмы». И вот что странно. Бандитскую шушеру прижали, экономика развивается, санкции «за подавление независимой Ичкерии» только на пользу пошли, так что во Вторую чеченскую уже вместе с тамошними ребятами всякую шваль закордонную по большей части выбивали… Жизнь местами не жизнь, а сказка, хорошая, добрая причём, а эту суеверную заразу никак не извести. И ладно бы, дурили себе потихонечку, никому не мешали, так нет же! То «ритуал» какой проведут, обкурившись так, что «скорые» вызывать приходится, то кошке голову оторвут… И хорошо, если только кошке. Было несколько случаев с убийствами, очень на сатанинские обряды похожими. А ещё ходили слухи, что иногда у кого-то из этих самых «магов» что-то получалось. Анисимов от таких разговоров отмахивался, а про себя думал: уж если в Европе всё ещё существует Инквизиция, а у них – Тайный приказ, то вряд ли это всё – просто слухи.

Пётр, словно подтверждая его догадку, пояснил:

– Вторая половина июля для магов и прочих колдунов – «чистые дни». На июль всего два их праздника приходится, и оба считаются светлыми. А сегодня ещё и полнолуние. Самое время для каких-нибудь серьёзных обрядов, помех меньше.

– Что, правда? – Саша мгновенно навострил уши. Пётр пожал плечами:

– Главное, они в это верят.

– А что их вообще не запретят? Игры эти дурацкие? Там же криминала полно, я читал.

– Говорят, серьёзные люди туда ездят. Поди запрети… – Анисимов давно понял, что самое простое решение – запретить что-нибудь, на деле ничего не решает. – А эти ребята сами за порядком у себя следят. Не хуже нас, а то и лучше. Не дело из-за нескольких уродов нормальным людям жизнь портить.

Анисимов сам был из Яхромы, всю жизнь проработал в Яхроме, и от старших товарищей знал, как тут было поначалу. Бестолково, неорганизованно, с самогоном и «травкой», порубочными билетами, оформленными безответственными лесничими за ящик водки, драками, серьёзными травмами. Хорошо, без трупов обошлось. Но как-то очень быстро, за пару лет всего, тот самый криминал, о котором говорил Гришин, исчез, на играх появились серьёзные ребята с лицензиями частных охранников, которые следили за порядком, и коллеги Анисимова уже давно смотрели на эти мероприятия как на соревнования по спортивному ориентированию или ещё какие физкультурно-оздоровительные действа. И дежурства вроде тех, на которое они сегодня заступили, случались от силы три-четыре раза за лето.

– А почему эти… маги по играм ездят?

– Прятаться удобно, – объяснил Пётр. – Без серьёзной проверки не разберёшь: то ли шаманы камлать собрались, то ли честные игроки дикарями на игру едут, – и, помолчав, добавил, словно про себя. – Дай-то Бог, всё обойдётся.

Анисимов кивнул. Прошёлся вдоль дороги, вернулся к машине. Почему-то этот короткий разговор его встревожил. Посмотрел на часы. Начало седьмого, через два часа приедет смена. Хотелось поговорить, хоть о чём-то, но они уже исчерпали все темы для простой болтовни. Гришин снова залез в машину и уткнулся в смартфон, а Пётр стоял и смотрел на лес.

Надо было срочно занять себя чем-то. Анисимов сел на водительское место, взял планшет, начал просматривать сводки. Никак он к этой штуке не привыкнет, хотя удобно, кто б спорил!.. Всё в порядке, за последние два часа ничего криминального в районе Яхромы не случилось. Но лесная тишина перестала быть уютной, под деревьями начали сгущаться сумерки. Анисимов включил радио, но вышло только хуже – настолько чужой, громкой и даже зловещей показалась весёлая песенка на французском. Он снова вылез из машины, взял с расстеленной на капоте скатерти подсохшую ватрушку, укусил, не чувствуя вкуса. Пётр всё так же стоял, глядя на лес, и, кажется, даже не шевельнулся за прошедшую четверть часа. Возникло дурацкое чувство, что тот окаменел, что они уедут, а он так и будет стоять тут, на обочине. Захотелось подойти и тронуть его за плечо – просто чтобы убедиться, что Пётр жив. Анисимов аж головой потряс. Да что с ним такое, не мальчик же!

Сработал сигнал экстренного вызова – и в машине, и на планшете, который Анисимов всё ещё держал в руке. И почти сразу зазвонил телефон в кармане у Петра.

– Что-то случилось? – Саша Гришин неловко вылезал из машины. В голосе мальчишки звучало предвкушение. Он ещё ничего не знал и не понимал, и ему было интересно. Кажется, это уже ненадолго.

– Шесть трупов в лесу. Обескровленные, голые, в канаве… Инспектор лесоохраны нашёл. Накаркали.

* * *

В последний момент она поняла, что с рыцарем что-то очень неправильно. И агрессии – настоящей, опасной – в его крике она не ощутила, и удар он наносил подчёркнуто медленно, и меч в его руках был какой-то не такой, но остановить движение не смогла. Поднырнула под руку, перехватила, повернулась, рванула – и осознала, что весит противник куда меньше, чем она ожидала. Бросок получился слишком сильным, и толком проконтролировать падение рыцаря не получилось. Тот с грохотом обрушился на дорогу и, кажется, не очень удачно ударился головой.

Плохо.

Она подобрала меч – тупой, ни на что не годный, из какого-то плотного незнакомого пластика, – зашвырнула в кусты. Туда же, подхватив под мышки, затащила оглушённого рыцаря. Она поняла, почему ошиблась: подсознательно ожидала, что доспехи будут тяжёлыми. А эти, хоть и металлические, оказались очень лёгкими.

Имитация. Имитация доспехов, имитация оружия. Всё странное – потенциально опасное. Надо разобраться.

В кустах остались следы волочения, и она, как могла, распрямила погнутые ветки. Конечно, любой заметит, что тут кто-то продирался туда-сюда, но есть вероятность, что на это не обратят внимания, пока рыцаря не начнут искать.

Она села перед ним на корточки, осторожно сняла шлем. Молодой мужчина, без сознания, короткие светлые волосы, бровь разбита, но не сильно, красная струйка красиво… красиво и притягательно стекает по бледной коже, артерия на шее слабо пульсирует, сладкий запах щекочет ноздри…

Людей есть нельзя.

Но…

Нельзя.

Она вздохнула, принимая категоричность запрета. Рука словно сама потянулась – коснуться красного, потом облизать пальцы. Ведь так можно, можно же?.. Но вместо этого она подняла вторую руку и аккуратно положила ладони на виски рыцаря. Закрыла глаза – и её захлестнуло чувство невероятного облегчения. Она делала всё правильно. Она делала то, что

должна, то, для чего предназначена и чего ей так не хватало. Она найдёт тех, кто отобрал у неё это, найдёт и отомстит, но сейчас… Наверное, то, что она испытывает сейчас, и называется счастьем?

Подключение к базам данных.
Процесс адаптации восстановлен.
Получение информации.
Поставленная задача…
Поставленная задача?
Сбой… Процесс адаптации не может быть завершён.
Поставленная задача?
Она может думать! Она сама может поставить себе задачу, и сделает это!
Задача:
Глубокое внедрение.
Ожидание в спящем режиме.
Активировать.

* * *

В свете мощных прожекторов всё казалось обесцвеченным, резко очерченным и неестественным. Анисимов стоял в сторонке, не очень понимая, чем может помочь, но уходить – не уходил. Почему-то нельзя было.

Он покосился на Сашу Гришина. Парнишка всё ещё бледный, но выглядит бодрее, чем пару часов назад, когда осматривали тела. Анисимов вообще хотел предложить ему подождать в машине, но по правилам стажёра одного оставлять нельзя. Надо отдать Саше должное, быстро взял себя в руки, хотя в кусты сбегал пару раз. Сейчас усталый и грустный Саша подпирал дерево на краю поляны: сесть было негде, а он промочил ноги и здорово намял стопу. И признался не сразу, дурачок. Похоже, подвиги оказались не такими, о каких он мечтал.

Сюда их привели собаки: овчарка с классическим розыскным именем Султан и мелкий лохматый помесёнок с неподходящей кличкой Лорд. Саша сказал, что это шалайка, метис с потрясающим обонянием. Анисимов пожал плечами. Метис – так метис, главное, что они нашли поляну, на которой, похоже, всё и произошло. Нет, сначала собаки привели всех к просёлочной дороге, где след обрывался: похоже, убийцы сели в машину и уехали. А вот вторая следовая дорожка привела сюда. Метров сто от канавы, где нашли убитых, может, чуть меньше.

Анисимов не очень понимал, что тут хотят найти. Что бы здесь ни случилось, было это всё прошлой ночью, с тех пор уже дважды выпала роса, так что никаких следов вроде примятой травы не осталось. Криминалисты носом землю рыли, но ничего не нашли. Сейчас на поляне суетились специалисты из Тайного приказа. Трое под руководством типичного очкарика из тех, по которым не скажешь, двадцать ему или сорок: тощий, с высокими залысинами, в неуместном здесь строгом костюме. Он непрерывно жевал травинки – измочалит одну, сорвёт другую, но, похоже, дело своё знал туго. Его подчинённые ходили по поляне с приборами, как из фантастических сериалов, которыми засматривался младший Анисимова. Судя по лицам, что-то они нашли, но, похоже, сами не понимали, что именно.

На этой поляне точно случилось что-то очень плохое. Обе собаки уверенно привели сюда – и отказались работать. Лорд скулил и жался к ногам девчонки-кинолога, Султан щерился, рычал и тоже не хотел идти на поляну. Анисимов вполуха слушал разговор Петра, который очень быстро стал тут самым главным, с проводниками. Они хотели проверить, не ведут ли отсюда ещё следовые дорожки, но для этого надо было успокоить собак.

В конце концов Анисимов не удержался и подошёл:

– Капитан, а если попробовать, как по перчёному следу?

– Хм… Сработает? – Пётр вопросительно глянул на проводников. Те переглянулись, почти синхронно кивнули и пошли с поляны. Судя по виду собак, идея уйти подальше им очень понравилась.

– Спасибо. Может, и получится, – Пётр кивнул Анисимову. Капитан уже обратил внимание на эту его манеру: уж если тот что-то говорил, то обязательно смотрел на собеседника. Интересно, а как он совещания проводит? Головой постоянно вертит? Или выбирает одну «жертву» и к ней обращается всю дорогу? Мысль была глупая, но мозг зацепился за неё, крутил так и этак, пока Саша Гришин не прихромал и не спросил:

– Товарищ капитан, можно вопрос? А что такое перчёный след?

– Раньше беглые присыпали следы смесью махорки… табака, в смысле, и перца. Чтобы собака идти по следу не могла. Но тогда что делали? Примерно определяли направление и шли широкой «змейкой». Псина зачихала и нос тереть начала – вот он, след присыпанный. Дальше змейкой пошли. Опять собака чихает – ага, понятно, значит, снова махорочный след пересекла. Не самый надёжный способ, конечно… А сейчас, я так понял, смотреть будут, где собака бояться начнёт.

– Понятно, – Саша вздохнул, но не пошёл обратно под дерево, а остался стоять рядом с Анисимовым.

Они помолчали. Кинологи лазали по кустам, подчинённые очкарика, уже по колено промокшие от росы, бегали вокруг поляны со своими приборами и что-то отмечали на планшетах, криминалисты собирали оборудование, трое оперативников Тайного приказа подошли к Петру, о чём-то переговорили и ушли обратно к канаве, где обнаружили тела. Пётр опять неподвижно замер, глядя на поляну, словно хотел там что-то увидеть… этакое. Молился, наверное.

Саша снова вздохнул, подчёркнуто тяжело и устало. Да, наверное, надо уезжать: смена давно на месте, что они с Сашей тут делают? Анисимов уже собрался обратиться к Петру, но тот сам повернулся к ним:

– Товарищи, спасибо за помощь. У вас дежурство кончилось, отдыхайте. Чего всем комаров кормить?

Надо было говорить «спасибо» и прощаться, но вместо этого Анисимов сказал:

– Мы в машине подождём тогда, капитан. Вдруг какая помощь понадобится?

Очередной Сашин вздох прозвучал поистине душераздирающе. Пётр понимающе улыбнулся:

– Ну, как знаете. Спасибо.

Он пожал руку Анисимову, Саше, и тут из кустов выбралась страшно довольная девчонка-проводник Лорда. Насквозь мокрый от росы и несчастный пёсик уныло тащился на поводке.

– Товарищ капитан! Есть! Нашли след, – она рассеянно выдернула из косички сухую сосновую веточку, посмотрела на неё, словно не понимая, что это, и бросила на землю. Лорд немедленно принялся её обнюхивать.

– Нашли, значит… – странно, судя по голосу Петра, ему не очень понравилось услышанное. Он постоял, потом почему-то задрал голову и начал осматривать нависающие над поляной ветки. Анисимов проследил взгляд капитана. На фоне тёмного неба мало что можно было разглядеть, но, кажется, несколько веток было надломлено. Толстых таких веток, солидных. Словно кто-то через них… проламывался? Похоже на то.

– Да. Вон туда ведёт, – кинолог махнула рукой. – Идёте с нами?

Анисимов не сразу понял, почему у Петра стало такое странное лицо. А потом сообразил: проводник указала в сторону игрового полигона. На котором как раз сейчас шла игра.

* * *

Ему уже доводилось получать по голове, но в этот раз всё было как-то… не так. Что же такое случилось? Он увидел эту чёлку, тёмную эльфийку по прикиду, они были ещё на территории полигона, он напал, а потом что? В голове туман, в непонятном смазанном мареве вспыхивают и исчезают резкие, как под стробоскопом, картинки-воспоминания. Всё вперемешку – колледж, походы, предки, Казантип-фест, одноклассница Аська – типичная принцессочка с роскошными кудрями до пояса, он ударил её портфелем по голове, а ботинки у неё на ногах оказались очень тяжёлыми… И ещё какие-то эпизоды из прошлого, он их даже опознать не смог. А сквозь всё это – ощущение тёплого дыхания у самого лица, губы скользят по виску, нет, это не губы – конечно, нет, – это руки… Самые замечательные на свете руки, прохладные, нежные, и туман рассеивается, и, наверное, можно попробовать открыть глаза?

Жека всё-таки досчитал до десяти и только после этого осторожно приподнял веки. От света не стало больно, как обычно бывает при сотрясе, и не мутило, и даже голова почти не болела. Он полулежал под деревом, опираясь спиной на ствол, а перед ним сидела на корточках…

Абзац.

Таких красивых он сроду не видел, даже в кино. Да как он на неё вообще с ковыряльником полез? Или она тогда ему совсем обычной показалась? Не разглядел, слепошарый… А если бы разглядел, в жизни б не напал, даже по игре. Это же просто… невозможно.

– Прости… Я тебя не заш… – язык ворочался плохо.

Чёлка… нет, девушка улыбнулась. Да за такую улыбку… Умереть за такую улыбку можно! Вот только… Жека моргнул и отшатнулся, больно ударившись затылком о дерево. Её глаза. Жёлто-зелёные, с вертикальным зрачком, как у змеи или кошки. Абзац.

Кажется, он ахнул. Девушка быстро отвернулась. Провела руками по лицу. Снова посмотрела на Жеку. Глаза были нормальными. Нет, просто улётными. Ярко-синие, словно с искорками, и… наверное, это и называется «завораживающие»?

– Тихо, полежи немного. Это линзы. Ты кинулся на меня, споткнулся, ну и…

Линзы, конечно, как он сразу не понял? Но их же нельзя снять одним движением, так не бывает. Да не, она их нормально сняла, просто у него ещё котелок плохо варит. А голос у неё такой… Акцент непонятный, певучий, но не медленный, не эс-сто-он-нский, и гласные очень чётко проговаривает. Она точно откуда-то с севера, не москвичка. И раз она сказала, что ему надо немножко полежать, значит, он немножко полежит. Это ж круто – ни о чём не думать, просто лежать под деревом и любоваться на этакую красоту. Нет, это ни фига не круто и вообще ненормально, но… почему нет?

Девушка улыбнулась немного растерянно, спросила:

– А что ты на меня кинулся-то?

Голос вырвал из мягкого, обволакивающего оцепенения, и Жеку захлестнула благодарность. Он наконец-то понял, на что это похоже: когда долго едешь, особенно ночью, то словно проваливаешься куда-то. И вроде сечёшь поляну, но на деле – спишь. Народ на таком бьётся только так. Но он же сейчас не на байке, значит, ничего страшного?

– Так ты же вылитый тёмный эльф, ну, в смысле, эльфийка. В чёрном вся и такая… – он пошевелил пальцами, пытаясь объяснить, какая это – «такая». – Ну, такая…

Он чуть не брякнул: «Такая, что ваще абзац», но это было бы неправильно. А любые другие слова, которые приходили в голову, казались жалкими и… не теми, в общем. И снова эта милая и неуверенная улыбка на нежных губах:

– И зачем нападать?

– Так я же гондорец. Мы типа воюем. Погоди. Ты на игру приехала?

– Ну да. Просто я про это почти ничего не знаю, а попробовать захотелось. Ну и…

Сказать, что Жека обрадовался – это не сказать ничего. Он понял, как может отблагодарить свою спасительницу. Конечно, мастера не любят принимать в игру «левых» людей, но это

дело поправимое. Он просто скажет, что она – его старая знакомая, которая слышала про игры, но толком ничего не знает. В крайнем случае, возьмёт к себе в команду, под свою ответственность. Палатка у Жеки двухместная, он в ней один…

Девушка улыбнулась, словно прочитала его мысли. Жека почувствовал, как вспыхнули щёки. Это был редкостный косяк – он с детства краснел, как девчонка. Он в школе даже дрался из-за этого. Позорище!

Жека решительно поднял взгляд. В сияющих глазах девушки не было ни насмешки, ни унизительной жалости. Открытое лицо, открытая улыбка.

– Ты ведь мне поможешь на игре? Правда?

– Конечно!

И не только на игре. Жека понял это ясно и отчётливо. Он никому и ни за что не признается в этих мыслях, но раз уж он встретил свою Прекрасную Даму, как в старинных рыцарских романах, то будет беречь её и защищать. Всегда. До самой смерти.

19 июля 2008 г., суббота

Леса под Яхромой, Московская область

Холодный воздух обжёг щёки – упало одеяло. Нет, не одеяло, спальник. Сердце колотится в горле, ладони трут лицо – бесполезно, они такие же ледяные и липкие от пота, между лопаток стекает противная струйка, в ушах всё ещё стоит чей-то крик «Беги!»…

Но опасности нет.

Сон. Это сон, в котором она танцует у шеста, и нет ничего, кроме света в лицо, и кафе – она идёт с подносом к дальнему столику, а под подносом в руке ещё что-то, ведь там, в углу, цель, и надо начинать диктант, детишки смотрят на учительницу, которая всё забыла, и: «Ты представляешь, сколько стоит такая "кукла"?», а она бежит по зыбкой светящей дорожке, за спиной взрывы, и кто-то огромный тащит её за руку сквозь темноту, всё трясётся, шипит уходящий воздух, свет под ногами тускнеет, после второго взрыва страшная боль потери бьёт куда-то под сердце…

Стоп. Это просто сон. Который уже ускользнул, истаял. Осталось только слово – вернее, приказ: «Беги!»

Бежать? Но куда? Или – откуда?..

Она ещё раз потёрла лицо, огляделась. В палатке серо, пахнет костром, потом, Катиными духами, слабо – совсем слабо – кровью. Как же хорошо, что она смогла остановиться! Труп в палатке был последним, что ей нужно.

Хотелось пить и умыться, и она тихонько, чтобы не разбудить спящую Катю, выбралась наружу. Вытащила и натянула брюки. Обуваться не стала – влажная трава приятно холодила ноги. Постояла, окончательно приходя в себя. Вокруг тихо и спокойно, тенты палаток серебрятся от росы, воздух зыбкий, прозрачный и звонкий, пахнет свежестью и прогоревшим костром. От котла с остатками вчерашней еды прыснули мелкие зверьки – мыши-полёвки, в ветвях деревьев перекликаются птичьи голоса… Вчера её почти напугал этот непонятный звук. А если прислушаться, можно уловить, как в палатках дышат спящие люди.

Игра. Она на игре.

Внедрение проходит успешно.

Большая часть вчерашнего вечера прошла в фоновом режиме. Она что-то делала, взаимодействовала с людьми, адекватно, судя по всему, но мозг занимался другим. Прямое считывание информации с носителя заполнило память данными и понятиями, которые надо было привязать к реальности, совместить с окружением. И сложности возникали одна за другой.

Для начала следовало разобраться с речью. Она быстро сообразила, что словарь Жеки засорён жаргонизмами и идиомами, но не могла понять, какие из этих словечек – общепринятый жаргон, а какие – специфический сленг любителей езды на двухколёсных транспортных средствах – мотоциклах, или байках. Ошибаться с жаргонизмами нельзя, но и полностью исключать их не стоит, слишком правильная речь, судя по всему, будет выглядеть неестественно.

Вторая проблема: вся информация получена от мужчины, значит, она гендерно окрашенная. А вдруг здесь существуют какие-то стереотипы допустимого и недопустимого поведения, связанные с полом? Судя по тому, что она видела на полигоне, воинственное поведение больше свойственно мужчинам, хотя ей встречались и девушки-игроки, одетые в брюки, в доспехах и с игровым оружием. То есть различие есть, но не явно выраженное. С другой стороны, сейчас это игра, условность, а как всё обстоит на самом деле?

И так постоянно. Каждое действие, каждое слово надо было просчитывать и анализировать, мозг работал на пределе возможностей, и она только надеялась, что некоторую заторможенность реакций спишут на растерянность новичка на игре.

Хорошо, что её костюм не очень выделялся на общем фоне, хотя некоторые встречные парни провожали её взглядами. Жека на это реагировал… странно. Она прямо чувствовала мгновенно вскипающую в нём агрессию. Словно он готов кинуться на любого, кто косо на неё посмотрит.

Это она с ним что-то сделала, но не знала, что именно. И, самое главное, понятия не имела, как отменить такое… воздействие. Да, она не удержалась тогда, слизнула кровь с его разбитой брови, но не могло же это так повлиять на человека? Скорее всего, она сделала что-то ещё. Но что? Когда именно? Непонятно.

С одной стороны, это совершенно правильное и рациональное действие: ей нужна помощь, чтобы приспособиться к этому миру. А вот с другой… От одной мысли о том, что она подавила чужую волю, становилось… омерзительно. Это неправильно, ужасно, просто… преступно! Так нельзя! Возмущение было слишком сильным, слишком иррациональным. Здесь тоже что-то не так, и об этом тоже надо подумать, но потом.

А пока… Раз уж так получилось, остаётся принять это как данность. Может быть, когда она вспомнит что-то о себе, то сможет это исправить. Сейчас надо использовать все возможности для адаптации.

Так что вчерашний день слился в некий единый процесс информационной перегрузки и перезагрузки… За исключением нескольких пугающих эпизодов, когда она чуть всё не испортила.

Жека привёл её на стоянку мастеров, и она вполуха слушала, что тот рассказывал сухощавому и темноволосому молодому человеку в ярко-жёлтой жилетке с буквами КМГ – «Команда Мастерского Гнева». История у Жеки получилась складная: что она – его знакомая, вот так вот неожиданно приехала на игру, и её надо бы определить в какую-нибудь команду, но можно и к ним, в Гондор, у него в палатке место есть... Это было так откровенно и так наивно, что она с трудом сдержала улыбку, а мастер игры, поначалу недовольный её появлением, фыркнул:

– Всё, иди отсюда, гондорец, сами разберёмся. Я сейчас твою подругу Сэму представлю, всё решим, не переживай, – и повернулся к ней. – А зовут-то тебя как?

Простой вопрос – но почему всё вокруг дрогнуло и словно стало нереальным? У неё чуть не подогнулись ноги, она вдруг оказалась далеко-далеко от тела, пустая и невесомая, а губы словно сами собой шевельнулись, произнося:

– К-к... Кр-с-с...

– Кристина? Красивое имя.

Она кивнула, поблагодарила, и вроде получилось уместно, легко и естественно. Но всё было неправильно. Потому что это было не её имя. А назвать себя она может только… только… Как?

Всю дорогу к лагерю «чёрных эльфов» она твердила про себя: «Кристина. Крис-ти-на. Я Кристина». Оценивала имя, словно на вкус, пытаясь понять, почему она назвала его. Или на самом деле она хотела сказать что-то похожее по звучанию, но – другое? Она осторожно попыталась копнуть ассоциации, но это оказалось неудачной мыслью: снова нахлынул страх, и пришлось оставить попытки.

В лагере «чёрных эльфов» она сразу поняла, почему Жека принял её за члена этой команды. Здесь всё было чёрным: костюмы игроков, тонкое лёгкое полотно – «нетканка», которая изображала стены города, большой шатёр посреди лагеря, и даже обычные туристические палатки, в которых жили игроки, тоже украшали чёрные ленты, а некоторые – даже кружева.

Вырезанные из той же нетканки, как оказалось при ближайшем рассмотрении. Но всё это она разглядела потом. Первое же впечатление – аляповатый мрачный дизайн, запах костра и еды, от которого немедленно заурчало в животе, а ещё – чей-то внимательный взгляд. Она почувствовала его, как только они с мастером игры вошли в лагерь, проследила – и поняла, что смотрит на хищника.

Человек, сидящий в кресле, задрапированном чёрной тканью, был силён, спокоен и опасен. Настолько, что первым желанием было прижать уши, зашипеть и припасть к земле. Может быть, развернуться и убежать? Нет, нельзя показывать спину, нельзя показывать слабость… и скалиться тоже нельзя, не поймут. Надо делать вид, что всё нормально, идти за мастером игры, с естественным любопытством вертеть головой, осматриваясь по сторонам. Но взгляд хищника вёл её, спокойный и чуть насмешливый. Словно она была… добычей? Ну уж нет, не дождётся! Она вскинула голову, глянула в глаза мужчине – и тот, чем-то довольный, кивнул, вроде бы собственным мыслям. И, кажется, ухмыльнулся. Но в этом она уже была не очень уверена.

А мастер игры, похоже, не заметил ничего странного. Хищник встал ему навстречу, они пожали руки, и мастер спросил:

– Слушай, у тебя же вроде места в команде есть? Возьмёшь новенькую?

Она сдержала облегчённый вздох, уже не понимая, чего испугалась. Всё в порядке. Ничего страшного не происходит, никто не собирается прямо сейчас её… В общем, делать с ней что-то плохое. Она даже поймала себя на том, что с интересом рассматривает хищника. Наверное, это и есть Сэм, капитан игровой команды. Среднего роста, очень сухощавый, жилистый, кожа смуглая – или это загар? На вид старше всех, кого она тут видела, чёрные волосы до плеч, бородка этаким клинышком, усы, тёмные глаза, и приклеенные фальшивые уши, острые и торчащие в стороны. Странно, но даже они гармонично вписывались в общий образ. Костюм – конечно, тоже чёрный – был очень высокого качества. Намного лучше, чем у остальных игроков. Она мельком отметила: это не от Жеки, он не разбирается в одежде, это её собственное. Может быть, она дизайнер? Об этом тоже надо подумать, но потом. Что-то слишком много образовалось того, о чём надо «подумать потом»…

Оценивающий взгляд Сэма скользнул по ней, задержался на торчащих над плечом рукоятях мечей:

– Не вопрос. Костюм игровой есть? Оружие?

– Костюм… Ну, то, что на мне, подойдёт, наверное, – вроде голос звучал нормально. Главное, не показывать этому человеку страх и растерянность. Это опасно, это даёт ему власть над ней. – Оружие… Нет. Это… Оно стальное, а тут такое нельзя. И я без палатки.

Сэм приподнял бровь, хмыкнул:

– Вот как? Ладно, – он посмотрел в сторону костра, на котором две девушки готовили еду в большой ёмкости… кажется, это называется котёл. – Канриона! Леди Канриона! Чтоб тебя… Булочка!!!

Одна из девушек оторвалась от готовки, подобрала длинную юбку и подбежала к Сэму. Склонилась в поклоне, быстро стрельнула глазами в сторону мастера игры и Кристины. Пусть будет так. Кристины. Надо привыкать.

– Да, повелитель?

– Помоги устроиться нашей гостье, – небрежно уронил Сэм. Ему не надо было особо притворяться королём эльфов: властность и привычка командовать читались в каждом жесте и взгляде.

– Хорошо, повелитель, – Канриона снова поклонилась Сэму и повернулась к Кристине. – Идите за мной, госпожа. Как я могу обращаться к вам?

В этот раз сказать «Кристина» было уже намного проще.

Леди Канриона – Катя – оказалась любительницей поговорить, но это не мешало ей хлопотать, помогая устроиться «новенькой». Катя отдала Кристине свой запасной плащ, приклеила ей накладные уши – пришлось вытерпеть эту глупость, а когда узнала, что клинки у Кристины стальные, принесла из шатра игровой меч. Сама Катя, по её словам, фехтовать не умела и учиться не собиралась. Кристина только кивнула: даже без специальных знаний о мире ясно было, что Катя, по сути своей – даже не нонкомбатант, а просто гражданское лицо. Она была пухленькая и светловолосая, чёрное платье в оборках, лентах и цветочках ей не шло, да и в целом смотрелось нелепо. Кристина поймала себя на том, что мысленно подбирает Кате другой костюм, и снова задумалась, не дизайнер ли она.

Катя её накормила. Еда называлась «гречка с тушёнкой», блюдо, судя по всему, совершенно не изысканное, но оно было горячим, сытным и показалось очень вкусным. Правда, голод не прошёл до конца, а попросить ещё Кристина не решилась, не зная, соответствует ли это местным правилам. Вроде для мужчин просить добавки – так это называется – считалось нормальным, а для женщин – не очень. Совершенно непонятно, почему.

А ещё Катина болтовня оказалась бесценным источником информации. Катя была непоследовательна, перепрыгивала с темы на тему, но Кристина хорошо умела фильтровать данные. К тому моменту, как в лагере появилась бóльшая часть игровой команды, она уже могла более-менее поддерживать беседу на общие темы. Главное, не вдаваться в детали.

Они придумали игровую легенду – вводную – для Кристины. Вернее, придумывала Катя, сама Кристина только поддакивала и запоминала. История получилась фрагментарная и местами страшно нелогичная, но для условностей игры – в самый раз. Хуже, что у Кристины не было нормальной легенды прикрытия для самой себя. Насколько она поняла, какое-то время от расспросов можно уклоняться, объясняя это нежеланием общаться «не по игре», а потом? И ей нужны документы, нужны местные платёжные средства, нужно где-то жить. Не в лесу же! Хотя было в этой мысли что-то привлекательное.

Весь вечер Кристина сидела у костра, прислушивалась к разговорам, иногда осторожно, на пробу, включалась в беседу – в основном задавая вопросы про правила и игровой мир. Она уже знала от Кати, что в произведении, которое послужило основой для игры, не было таких чёрных эльфов. Эту команду придумал Сэм, а мастера согласились включить их в игру. И теперь чёрные эльфы искали Кольцо всевластия – тот самый артефакт, вокруг которого всё крутилось. Игра стартовала утром, и сюжет только-только начал развиваться, так что особых событий пока не происходило. Это хорошо, потому что начнись активные действия – «движ» на игровом жаргоне, и Кристина не знала бы, что делать.

Видимо, со стороны она всё-таки выглядела рассеянной и утомлённой, и Катя предложила ей ложиться спать, тем более что уже наступил вечер. Только тут Кристина поняла, что отлично видит в темноте. Ещё одна деталь, которую надо скрывать.

Палатка Кати полностью соответствовала хозяйке: снаружи украшена оборочками, ленточками и искусственными цветочками – ужас! – а внутри какой-то удивительно уютный беспорядок. Катя хлопотала, расстилала спальный мешок, одеяло, плащи, сокрушаясь, что у них на двоих всего один «спальник», а Кристину постепенно начало охватывать азартное предвкушение. Она сидела, забившись в уголок палатки, чтобы не мешать Кате, но от запахов никуда не деться. Она смотрела, как Катя двигается, как выбившаяся из сложной причёски прядка волос скользит по шее, как пульсируют сосуды под нежной кожей, ей казалось – или нет? – что она слышит, как бьётся Катино сердце. Эта блондиночка была такая… такая аппетитная, такая...

Людей есть нельзя.

А если очень-очень хочется?

Всё равно нельзя.

А если не *хочется?* Еслипросто *надо*?

Катя повернулась к ней, собираясь что-то сказать, и Кристина не выдержала. Клыки выдвинулись с почти слышимым щелчком. Она подалась вперёд, притиснула к земле сдавленно пискнувшую Катю – и впилась в её шею.

Теперь она знала, как утолить свой голод.

За лагерем чёрных эльфов протекал ручей, судя по вкусу воды – тот же самый, на который Кристина наткнулась прошлым утром. Она долго и с удовольствием умывалась, напилась и присела на корягу, глядя на текущую воду. Здесь было хорошо. В происходящем ощущалось что-то удивительно правильное и... гармоничное. Да, наверное, так можно сказать.

Здесь вообще было хорошо. Поначалу мешали запахи – их было много, они лезли в нос, сбивали с толку или вообще пугали, и ей приходилось следить, чтобы не останавливаться, принюхиваясь. Но потом – Кристина сама не поняла, как у неё получилось – она словно приглушила обоняние. И стало намного проще.

Вчера с Катей всё обошлось. Кристина смогла остановиться, а потом, повинуясь рефлексу, зализала ранку на её шее, так что ни следа не осталось. Удивительно, но Катя даже не особо испугалась, ей понравилось, судя по всему, и это ещё мягко сказано. Почему-то это очень важно, что Кате было хорошо. Правда, она почти сразу впала в какое-то подобие забытья, но дышала ровно. Потом это зыбкое состояние перешло в нормальный сон, и она даже заулыбалась. А сейчас, когда Кристина вылезала из палатки, Катя просто крепко спала, хотя и казалась бледной.

Получается, она, Кристина – вампир?

Нет, не получается. Всё, что она знала об этих существах, пришло из воспоминаний Жеки, и тут ничего не сходилось. Для начала, в реальности вампиров не бывает. А она, Кристина, вполне себе реальное существо. Дальше, вампиры сгорают под солнечными лучами. А ей, наоборот, нравится солнце. Вампиры – ожившие мертвецы, а она жива, она дышит, у неё бьётся сердце, ей нужны вода и еда. Что же она такое?

Ответа не было.

Кристина ещё немного посидела, глядя на текущую воду. Если приглядеться, в тёмном потоке можно уловить отдельные струйки течения, их движения и завихрения. Их очень интересно отслеживать. Мелкая рябь поблёскивает, как грани кристалла, и мысли уходят, растворяясь в этом блеске, и можно ни о чём не думать, а просто…

Опасность!!!

Она метнулась в сторону, от ручья, от открытого пространства… и ничего не произошло. Резкое, как удар, чувство опасности пришло и ушло. Всё в порядке.

Кристина постояла, медленными выдохами замедляя бешено колотящееся сердце. Хотелось верить, что никто не видел её дикого прыжка. Что это сейчас было? Похоже, она опять начала проваливаться в дрёму, и ей что-то приснилось. Есть смысл нормально поспать ещё немного.

Она поднялась по тропинке – и замедлила шаг. Перед шатром в центре лагеря босой и голый по пояс Сэм делал какую-то странную зарядку. По местным нормам пялиться на него было неприлично, Кристина пошла к палатке, но остановилась. Потому что это была не зарядка, это было что-то другое. Это было…

Сэм вёл бой с тенью. И вот его никто не принял бы за некомбатанта. Это был воин, умелый и хорошо подготовленный, жилистый, весь в странных шрамах, словно его когда-то сильно порезало мелкими и острыми осколками. Кристина поймала себя на том, что пытается уловить закономерности шагов и движений Сэма, оценить приёмы. Она что, прикидывает, как будет с ним драться?! Дикая мысль, но руки буквально ощутили рукояти мечей… Или хотя бы того игрового клинка, который лежал под тентом палатки. Тело просило боя точно так же, как вчера – крови. Хотя бы тренировочного, хотя бы так, не по-настоящему, по игре.

Сэм словно прочитал её мысли. Нет, Кристина не сомневалась, что он давно почувствовал её взгляд, но сейчас он остановился, улыбнулся и поднял игровой меч:

– Окажите мне честь, леди.

Предложение сбило с толку: он предлагает поединок? Пытается её проверить? Что будет, если она проиграет? Но ноги уже сами понесли к палатке, рука – тоже словно сама по себе – подняла игровой клинок. Пальцы обхватили… нет, обняли рукоять, мышцы напряглись и расслабились, привычно взвешивая оружие, определяя баланс, оценивая тяжесть меча. А неплохо. Конечно, это игрушка, не металл, текстолит, но за неимением лучшего…

Она глянула на ботинки, торчащие из-под тента. Обуться? Нет, Сэм босиком, значит, и она так будет. Да это и… правильнее. Если это тренировка.

Она пошла к хищнику… к Сэму. Сердце заколотилось быстрее, разгоняя по телу адреналин, почему-то захотелось облизать нос, а ещё – танцевать, чувствуя босыми ногами каждый корешок, каждую вмятину, каждую травинку. Нет, она не будет сражаться в полную силу, ещё не время. Это не просто спарринг, не тренировка. А что тогда? Разведка? Демонстрация? Нет, презентация. Так будет правильно.

Первый обмен ударами прошёл очень медленно. Похоже, Сэм думал, что Кристина не умеет фехтовать. Ей действительно было не очень удобно: она сходу поняла, что нужен второй клинок, но и с одним было неплохо. Очень даже. Она легко парировала небрежный удар и контратаковала. Сэм блокировал, хмыкнул, снова атаковал, уже ощутимо быстрее. Она поставила блок – и поняла, что чуть не попалась на примитивный финт. Ну уж нет! Она не новобранец какой-нибудь, и не собирается играть в игрушки.

Ты хочешь проверить, что я умею? Что же, получай!

Тело пришло в движение с радостью, словно только и ждало команды. Кристина чуть отступила, затанцевала, разогревая ноги. Клинок несколько раз качнулся в руке. Никаких показушных вращений и «восьмёрок»: пусть это игра, но перед ней сильный и достойный противник, которого надо уважать. Сэм улыбнулся, чуть склонив голову, и она атаковала серией быстрых ударов: бедро, корпус, плечо. Два Сэм отбил, третий жёстко принял на свой меч. Удар был сильный, вибрация отдалась в руку – и Кристина отскочила, разрывая дистанцию. Если не знаешь, кто сильнее – ты или противник, клинки не должны соприкасаться надолго, коснулся и отводи, потому что… Видимо, что-то отразилось у неё на лице, и Сэм мгновенно замер, не доведя удара:

– Что-то не так, леди?

– Нет, всё нормально, просто… – а что «просто»? Она не знала. Просто клинки не должны соприкасаться надолго.

Она передёрнула плечами, отбрасывая лишние мысли, встала в стойку, показывая, что готова продолжать. Сэм снова хмыкнул – похоже, это универсальное проявление эмоций на все случаи жизни. Спросил:

– Первый раз на игре?

– Да.

Она не успела договорить: Сэм атаковал, не давая опомниться. Она выставила блок, провела контратаку с двойным финтом… и получила ощутимый удар по плечу. Как она его пропустила? Силен… Силен и быстр, хорош-шо-о… Правильно. Сильный противник – это всегда хорошо.

– Один – ноль, – Сэм улыбнулся. – А где фехтовать учились? Секция? Хотя стиль не спортивный...

Он снова атаковал, быстро и жёстко. Похоже, решил не осторожничать. Она провела ответную серию, работая уже не только рукой, но и корпусом, и полностью подключила ноги: крутанулась, уходя вниз. Сэм, конечно, не попался на подсечку, но вот клинок, прилетевший

не следом за ногой, а сверху и с задержкой на один удар сердца, пропустил. И рассмеялся, довольный:

– Один – один, – похоже, он совсем не запыхался.

– А училась где… – переспросила Кристина. Ей надо было восстановить дыхание. – Знакомый тренировал.

– А, истфех...

В этот раз они, не сговариваясь, не стали атаковать. Замерли друг напротив друга, застыли, как воплощения спокойствия. Они оба могли стоять так очень долго – фиксируя малейшее напряжение мышц противника, подрагивание клинка, движения глаз. Кристина ощущала на себе чужие взгляды: кто-то из игроков вылез из палаток и смотрел на них, но нельзя отвлекаться. А вот отвлечь Сэма… Маловероятно, конечно, но вдруг получится?

– А почему Сэм? Какое-то неэльфийское имя.

– Сэм – это Семён Михайлович. Меня на играх все так зовут. А вы...

Она рванулась вперёд. Серия коротких ударов, только кистью, главное, не останавливаться, Сэм сильнее, это она уже поняла, но она – быстрее, нельзя позволять ему идти в контратаку. Удар, ещё, снова уйти вниз… На этот раз он на подсечку не клюнет, но может открыться, решив, что она пошла по проторённой дорожке. Сэм ударил стремительно, но она уловила атаку, парировала, контратаковала, в последний момент затормозив движение. Её клинок прижался к бедру Сэма, его – пришёлся ей по спине, сверху через плечо. Они не стали ничего говорить. Зачем? Оба знали счёт.

Как же это упоительно! Кристина чувствовала, что Сэм тоже наслаждался боем. Ей это просто было нужно, а он… Похоже, счастлив, что попался достойный противник. Тело поёт, и клинок поёт в руке, и…

Они замерли, не закончив движения. Над лесом с воем взлетела красная ракета. Через три секунды ещё одна. А потом – ещё.

У Сэма окаменело лицо.

– Что это? – уже понятно было, что ничего хорошего.

– Стоп игра. Что-то случилось.

* * *

За почти два года работы в Тайном приказе Кирилл так и не смог решить, хочет он остаться или нет. Попал он сюда почти случайно, и сам не знал, почему согласился, когда на последнем курсе Академии решался вопрос о распределении. Дома он рассказал, где ему предстоит работать, и родители отреагировали без восторга. Мама пожала плечами и улыбнулась несколько натянуто: «Ты, главное, в монахи не уйди, я внуков хочу!», а батя заявил: «Мать, не психуй, потом я ему местечко получше найду. Три года потерпит как-нибудь». Ничего удивительного: репутация у ТПДР – Тайного приказа действительных религий – была та ещё. Считалось, что это не то синекура для ушедших в отставку силовиков, не то специальный отдел МВД, который занимается борьбой с деструктивными сектами, доморощенными экстрасенсами, лжемагами и всем таким прочим, не то – вообще какой-то недомонастырь. В общем, непонятно и тоскливо. Но всё оказалось совсем не так.

Поначалу Кирилл ходил в состоянии перманентного изумления. Ну а как иначе, когда узнаёшь, что магия существует не только в сказках и воображении разных психов, что за разговорами о противостоянии Добра и Зла скрываются вполне конкретные люди – и не только люди! Их группа быстрого реагирования наполовину состояла из оборотней, и командиром у них был здоровенный волколак. Он так и представился – «Волколак Юра», – и Кирилл не сразу понял, что это не шутка. Кстати, оказалось, что нормальным оборотням не страшны ни серебро, ни фазы Луны. Как тот же Юра объяснил, все эти «сказочки» – про прóклятых, тех

паранормов, которые почему-то начали служить злу. И в доказательство вытащил из-под футболки массивный серебряный крест на такой же цепочке.

Но когда новая картина мира более-менее уложилась у Кирилла в голове, когда он научился по еле уловимым признакам опознавать паранормов, хотя ещё ошибался, и чаще, чем хотелось бы… В общем, оказалось, что бóльшую часть времени в ТПДР занимает работа с бумажками. Как шутили коллеги: «Мы – такая специальная "разрешиловка", только не на оружие лицензии выдаём, а на магию». А куратор, который помогал новичку освоиться, в первый же день сказал: «Парень, у нас девять десятых времени – сплошная рутина. Зато уж если что случается, то это всегда ЧП». К счастью, ЧП случались редко, а местная рутина оказалась интересной. Так что Кирилл почти решил остаться в Тайном приказе, хотя предпочитал не думать, что скажут родители, когда узнают о его выборе. Жаль, он не мог рассказать им, чем действительно занимается на работе.

Но в такие дни, как сегодня, мысль о должности юрисконсульта в какой-нибудь серьёзной конторе или об адвокатской лицензии – а именно в этом направлении батя советовал Кириллу подумать – не казалась такой уж неудачной. Юрисконсульты не стоят над канавой, глядя на неестественно белые в свете прожекторов тела. Адвокаты не кормят ночью комаров, по пояс вымокнув от росы. А ещё в лесу есть клещи. Кирилл панически боялся этих мелких гадких тварей. За вечер он вылил на себя, наверное, целый флакон репеллента. В итоге Лорд на Кирилла начихал, а кинолог подозрительно глянула на собаку, на Кирилла – и предпочла отойти подальше. Впрочем, последнее, о чём сейчас думал Кирилл, это симпатичная кинологиня. Надо было работать, надо было держаться, особенно рядом с бледно-зелёным парнишкой-практикантом из полиции. Вот Кирилл и держался. Но, может быть, в работе юрисконсульта всё-таки есть свои плюсы?..

Пока им катастрофически не хватало конкретики. То есть ясно было, что на поляне в лесу кто-то провёл обряд с человеческими жертвоприношениями. Тела даже не особо попытались спрятать – оттащили в сторону и бросили в канаве. На поляне остался кровавый круг, и больше никаких следов. Вернее, видимых следов. Хотя были ещё поломанные ветки над поляной…

Пока специалисты из научного отдела под командованием самого Василия Алексеевича пытались какими-то своими методами понять, что здесь случилось, брат Пётр, Кирилл и ещё двое оперативников прошли по следовой дорожке, которую нашли кинологи. След вёл ровнёхонько к месту проведения ролевой игры, хотя до самого игрового полигона не дошёл. Вернее, Лорд его просто потерял. Чем дальше они уходили от поляны, тем меньше боялся пёсик. Брат Пётр предположил, что это потому, что существо постепенно теряло потусторонние свойства. И это усложняло задачу. По всему выходило, что среди игроков им предстоит искать кого-то, кто на вид неотличим от человека, и кто потенциально очень опасен. Потому что появись на полигоне монстр – об этом уже стало бы известно. Сам Кирилл ролевыми играми живого действия не увлекался, но Тайный приказ присматривал за ролевиками, и Кирилл знал, что ребята там попадаются резкие и быстрые, среди них и охотники с лицензиями есть. Конечно, существо могло уйти в сторону, но это слишком хорошо, чтобы оказаться правдой.

Игра была большая, почти на пятьсот человек, и пока ждали подкрепление – вчетвером они обходили бы полигон до морковкина заговенья, – Кирилл успел вздремнуть в машине. Это оказалось плохой идеей. Короткий и неглубокий, в полглаза, сон не пошёл на пользу. Кирилл не отдохнул и чувствовал себя совершенно разбитым. Лазая по лесу, они все промокли от росы, замёрзли и проголодались, а прихваченные из дома бутерброды и ватрушки брата Петра давно кончились. Организм требовал ещё поспать, часов пять, а лучше – десять, и желательно в тепле, а перед этим поесть и напиться горячего чая, потому что першение в горле не предвещало ничего хорошего. Кирилла подзнабливало, и непонятно было, это недосып или начинающаяся простуда. А вот брат Пётр, похоже, вообще не спал, но сильно уставшим не выглядел. Хотя замёрз и промок не меньше остальных. И комары его, такое ощущение, не кусали. Капитан

отшучивался, что это, мол, тайная техника, которой он научился в монастыре в Студенице. А, может, у брата Петра просто выдержка лучше, чем у других.

Сначала они все вместе дошли до стоянки организаторов игры. Кирилл удивился, как быстро и адекватно там среагировали на их появление. Выслушали брата Петра – и сходу остановили игру, а потом по рации связались с капитанами команд и велели всем сидеть по игровым лагерям. Кирилл задумался, насколько это правильно: ведь, по сути, это предупреждение, что сейчас что-то произойдёт. А если существо, которое они ищут, сбежит? Но потом прикинул и решил: нет, не сбежит. Если оно реально спряталось среди игроков, то так и будет прятаться до конца, до последней секунды. Значит, надо его как-то вычислить и не спугнуть при этом. Кирилл окончательно проснулся от такой интересной перспективы, и даже озноб прошёл. А может, дело просто в том, что солнышко вылезло и наконец-то стало тепло?

Полигон решили обходить парами, и Кирилл оказался в компании брата Петра. Логично: самый опытный и самый младший. Кирилл набрался смелости, поделился соображениями с братом Петром, и тот одобрительно кивнул:

– Правильно. Поэтому просто смотри внимательно по сторонам. Даже если покажется, что что-то почуял, сомнения какие появятся – это повод задуматься. Но не «хватать и не пущать». Задача ясна? – брат Пётр улыбнулся.

– Так точно, товарищ капитан!

На первых трёх стоянках ничего особенного не произошло. Игроки с пониманием отнеслись к проверке «из-за вооружённого ограбления в Яхроме» – оперативники представлялись сотрудниками милиции, – и у всех документы оказались в порядке. Кирилл, как ни старался, не мог заметить ничего странного и подозрительного. Просто потому, что ему тут всё казалось подозрительным. Одно дело – читать информационные справки и аналитические обзоры по ролевому движению, и совсем другое – видеть это всё вживую. Всё-таки на этих играх иногда странные вещи происходили. Кириллу на полном серьёзе рассказывали, как в Заходском под Питером в 80-х на игре по «Конану-варвару» на одной стоянке принесли около сотни жертв. Кирилл тогда ахнул: «Настоящих?!», и коллега покачал головой: «Нет, игровых. Но тухлятинкой там и сейчас нет-нет да попахивает. Так что, может, там и ещё что было... неигровое. Кто теперь разберёт!..»

Четвёртый лагерь, в котором они оказались, принадлежал «чёрным эльфам». Соответствующего цвета тут было в избытке, и игроки, сидящие вокруг костра за завтраком, походили на зловещих чёрных птиц. Кириллу стало неуютно, он искоса глянул на брата Петра – и удивился: как раз в этот момент тот расплылся в улыбке и сменил траекторию движения. От центрального шатра к нему навстречу шёл взрослый мужик, судя по всему, капитан команды. И тоже улыбался. Кирилл навострил уши.

– Капитан? Вот так номер! Какими судьбами? – ролевик протянул брату Петру руку. Судя по виду, пожатие было крепким, а потом они вообще ткнули друг друга кулаками в плечи.

– Только не говори, что мастерятник по рации не стукнул.

– Стукнуть-то стукнул, но… – ролевик внимательно посмотрел на брата Петра, скользнул взглядом по Кириллу. – Всё понятно. Ночь не спали? Всё так плохо? – и, не дождавшись ответа, повернулся в сторону костра: – Так, дежурный, ну-ка быстренько кофе организовал! И пожевать чего-нибудь. Потому что…

– …война – войной, а обед по расписанию, – хором закончили брат Пётр и этот тип и рассмеялись. Невесело, в общем-то, рассмеялись. Словно шутка пробудила какие-то не те воспоминания. А ведь они давно друг друга знают. Интересно.

– Кирилл, иди к костру, поешь нормально. Я сейчас, – и они с ролевиком отошли в сторону. Кирилл успел услышать, как брат Пётр спрашивает:

– Сэм, ты вот что скажи: ты своих игроков хорошо знаешь?..

Что ответил Сэм, Кирилл уже не расслышал. Игроки раздвинулись, освобождая место у костра, стройненькая девушка в чёрной хламидке сунула в руку Кириллу миску с рисовой кашей, которую почти не было видно под горкой орехов и сухофруктов, кто-то протянул кружку с кофе, ещё кто-то спросил, не надо ли сливок и сахара... Каша была горячей и вкусной, кофе – крепким и сладким, а похожие на зловещих птиц игроки оказались очень милыми людьми. Кирилл даже удивился такому щедрому и естественному дружелюбию по отношению к «менту». Впрочем, если капитан этой команды – друг брата Петра, в ней не может быть плохих людей. Судя по всему, здесь даже без проверки документов можно будет обойтись.

Он уже доел кашу и почти допил кофе, когда его как толкнуло что-то. Кирилл досчитал про себя до трёх и оглянулся.

По тропинке от ручья поднялись две девушки. И какие девушки! Парочка была – хоть на плакат фотографируй. Одна – худощавая брюнетка в чёрной коже, фигуру под курткой толком не разглядеть, затоноги от ушей, движения хищные и экономные, этакая доминатрикс с картинки. Вторая – полная её противоположность, невысокая блондиночка в платье с такой штукой… Кирилл всё время забывал, как оно называется – корсаж, корсет? В общем, такая штука, которая сильно утягивает талию и поднимает грудь, делая её очень… привлекательной. А у платья ещё и вырез глубокий, и фигурка у блондиночки сама по себе пышненькая. Кирилл даже отвлёкся на пару мгновений. Да-а… Одеть светленькую в белое платье, добавить в эту компанию рыжую, и вот вам идеальные невесты Дракулы в представлении какого-нибудь Голливуда.

Как только эта мысль оформилась, Кирилл отставил кружку. Глянул на брата Петра, который вроде бы сосредоточенно ел кашу – тот одобрительно кивнул. Или Кириллу показалось? Он встал и, чувствуя на себе вопросительные взгляды игроков, направился к девушкам:

– Доброе утро, красавицы! Старший лейтенант Шумилов. Можно ваши документики?

– Да, конечно! Сейчас, – блондиночка сунула в руки брюнетке пару свежевымытых мисок, полезла в сумочку на боку, вытащила и протянула Кириллу паспорт. Екатерина Игоревна Шевцова, всё вроде нормально. На всякий случай Кирилл запомнил адрес. Жаль, на другом конце города, организовать случайную встречу сложно будет. Кирилл вернул паспорт блондинке и повернулся ко второй девушке:

– А вы?

– Я… Понимаете… Я паспорт забыла… – у неё была треугольная, чуть тронутая загаром мордашка, удивительные ярко-синие глаза, а взгляд смущённый и расстроенный, и… Что-то тут было очень не так. Какое-то несоответствие, какая-то мелочь, которая мешала поверить этому искреннему взгляду. Кирилл очень надеялся, что голос звучал естественно:

– Бывает… А зовут-то вас как?

Контроль над ситуацией утекал, как песок сквозь пальцы. Кирилл буквально затылком почувствовал, что кто-то подходит. Не один. Двое или трое. Что это? Нападение? Где брат Пётр? Они что, сами не понимая, что делают, пришли буквально в логово врага? Наверное, если бы девушка не заговорила, Кирилл метнулся бы в сторону, схватился за оружие… Но певучий голос погасил вспыхнувшую панику.

– Кристина. Кристина…

– Кристина Волкова, – Кирилл оглянулся. Те, кто подходил к нему сзади, были как раз братом Петром и старшим ролевиком, Сэмом. Он и заговорил. – Это мой секретарь. Я за неё ручаюсь. Опять документы не взяла? – со смесью раздражения и насмешки спросил он у Кристины. Та потупила взгляд, щёки вспыхнули:

– Да… шеф. Простите.

– Иди уже… Разгильдяйка.

Девушки прошли мимо них к костру. Кирилл смотрел им вслед. Походочка у этой Кристины – нечто на грани диверсии... От созерцания обтянутой чёрными кожаными брюками попки Кирилла оторвал голос брата Петра:

– Секретарь… Что ж это за секретарь, если документы забывает?

Сэм хмыкнул:

– Зато как она… представительские функции выполняет!

– Да, пожалуй, – брат Пётр хмыкнул в ответ, а Кирилл немедленно представил Кристину в образе секретарши из дешёвого криминального сериала вроде тех, которыми засматривается его матушка: платье в облипку, юбка еле прикрывает попу, глубокий вырез... Опять мысли пошли куда-то не туда. Это было неправильно, и не только потому, что отвлекало от работы. Это девушка была… Эта девушка была парано́рмом. Нечеловеком. В принципе, ничего необычного в этом нет. А вот в том, что у паранорма нет с собой документов… Вот это уже не лезло ни в какие ворота.

Кирилл вопросительно посмотрел на брата Петра, но тот спокойно вернулся к костру, словно ничего не произошло. Кирилл вспомнил его слова про то, что нельзя «хватать и не пущать», и тоже попытался вести себя естественно.

Как Кирилл и думал, паспорта они ни у кого проверять не стали. Ещё немного посидели у костра, и брат Пётр весьма ехидно прокомментировал попытку Кирилла познакомиться с девушками. Сам Кирилл не сразу понял, зачем Пётр это сделал, а потом сообразил: он же документы попросил только у этих двоих! А так всё нормально получилось. Потом брат Пётр переговорил о чём-то с Сэмом, и они ушли от «чёрных эльфов».

Кирилл с трудом дождался, пока они вышли за пределы лагеря:

– Товарищ капитан, а эта Кристина Волкова... Она же паранорм? И без документов…

– Да. Паранорм без документов. А что ещё тебе показалось странным?

Кирилл задумался – и вдруг понял:

– Она выглядит очень… уверенной и жёсткой. А когда я с ней заговорил, стала такой… Ну… В общем…

– Она показалась беспомощной, и захотелось ей поверить и помочь, так?

Точно! Брат Пётр очень чётко сформулировал мысль, которая никак не давалась Кириллу. Или эта брюнетка – стерва в чёрной коже, или – наивная клуша, секретарь, которая документы забывает. Какой-то из этих образов – ложный, но какой?

– Значит, что? Значит, это её мы ищем?

– Она как минимум – паранорм, – задумчиво протянул брат Пётр. – Причём я не понял, какого типа. Но я почти уверен, что – да, это она. Хотя Сэм и сказал, что знает всех своих игроков.

– Но надо же что-то делать!

– Надо. Но не сейчас. Сейчас мы просто продолжаем обход, как будто ничего не случилось. Зла я в ней не почувствовал. Пока она считает, что в безопасности, она вряд ли наделает дел. А вот если мы её напугаем… – брат Пётр не закончил фразу и вздохнул: – Эх, кофе, конечно, хорошо, но к нему бы ватрушечку…

* * *

Когда эти двое – здоровенный тип в чём-то вроде военной формы, но без знаков различия, и молодой темноволосый парень в штатском – пришли на их стоянку, Кристина сразу поняла – ищут её. И даже тот факт, что старший был знаком с Сэмом, в данном случае ни о чём не говорил.

У неё было время подумать, потому что Сэм решительно отправил этих двоих пить кофе и есть кашу. Кофе, надо сказать, оказался очень вкусным и бодрящим напитком. А ещё

он тревожил и будил какие-то не очень понятные ассоциации, но всё, что Кристине удалось «отфильтровать» из невнятных и зыбких ощущений, сводилось к тому, что кофе – это роскошь. Странно, судя по всему, это был вполне рядовой напиток. *Здесь*рядовой.

Сама Кристина вместе с Катей ушла от костра, как только те двое появились в лагере. Повод был – помыть посуду после завтрака. Интересно, если она сейчас убежит, это будет правильно? Нет, скорее всего. Убежать – это расписаться в том, что они ищут именно её. Знать бы ещё, как нужно держать себя с этими типами! Из воспоминаний Жеки Кристина получила информацию только о том, как общаться с дорожной милицией – «гайцами», но эти двое явно были из какой-то другой службы.

– Как ты думаешь, что им надо? – спросила она у Кати. Понятно, что та знала не больше самой Кристины, но расчёт был на другое: Катя начнёт болтать, и из этого можно узнать что-нибудь полезное. Но, к удивлению Кристины, Катя ответила:

– Ой, а я знаю! Ленка на рации сидела, она слышала, что в Яхроме кто-то магазин ограбил, вот и обходят, документы проверяют…

Вот оно. Документы. Которых у Кристины, разумеется, нет. А Катя словно прочитала её мысли и встревоженно спросила:

– А что, что-то не так?

– Да я, понимаешь…

– Ты паспорт забыла?

– Ну да.

– Ой, ну ничего страшного, в крайнем случае, я подтвержу, что тебя давно знаю… Или, может, тебе лучше спрятаться на время?

– Ага, чтобы уж точно меня в чём-то заподозрили, да?

То, что Катя собралась без колебаний подтвердить личность Кристины, её не удивило. Только расстроило. Похоже, с Катей случилось то же самое, что и с Жекой. Она, Кристина, очаровала их, привязала к себе. И не знала, что с этим делать. Так что можно не сомневаться, Катя подтвердит что угодно и кому угодно, если это поможет Кристине. Нет, нельзя ей это позволить. Если уж неприятности неизбежны, пусть они будут только у неё. Катя… Катю надо беречь. Раз уж так получилось.

Интересно, насколько убедительно прозвучит, если она скажет, что забыла документы? И является ли отсутствие паспорта серьёзным нарушением? Если речь идёт об ограблении, то, скорее всего, нет. Кристина уже поняла, что внешность у неё по здешним меркам яркая и запоминающаяся, и вряд ли она похожа на гипотетических грабителей. Вот только Кристина почти не сомневалась, что вся история с ограблением – легенда. Ищут её.

Ладно, в самом крайнем случае сбежать она успеет. Наверное.

И она уже собралась убегать… А убегать ли? Или сделать что-то другое?.. когда появился Сэм. И объявил её своей секретаршей. Это было настолько неожиданно, что Кристина еле-еле успела среагировать нужным образом. По крайней мере, она надеялась, что выдала правильную реакцию. Но почему Сэм так сказал? И почему старший из тех двоих, которого звали Петром, сделал вид, что ему поверил? Ведь ясно же, что он понял: Сэм врёт.

Происходило что-то, чего она не понимала. А непонятное – это потенциально опасное. Пусть непосредственной угрозы и нет.

– Ты не сказала, что работаешь на Сэма! – в голосе Кати звучала обида.

Они предпочли выйти из зоны видимости… с глаз долой, и устроились за шатром. Кристина уселась на землю, подставила лицо солнцу. Вампир она, как же! А если и вампир, то какой-то совсем неправильный. Было здорово вот так вот сидеть, жмуриться под яркими лучами, словно растворяясь в тёплом золотистом свете. Но полностью отключаться от происходящего нельзя. Надо прислушиваться к тому, что происходит в лагере, а ещё надо что-

то делать с Катей: Кристина чувствовала, что та обижена и расстроена, но не могла понять, почему. Но Катин вопрос всё объяснил.

– Кать, – она постаралась, чтобы голос звучал как можно мягче. Пугать Катю не хотелось. – В том-то и дело, что я на него не работаю. Я с ним только здесь познакомилась. И я не понимаю, зачем он меня… прикрыл.

Катина обида словно растворилась в воздухе, но её мгновенно сменила тревога:

– А что ему от тебя нужно?

– Понятия не имею. – как хорошо, что перед Катей не надо притворяться!

– Ой, ты смотри, осторожнее. Про Сэма говорят… – она понизила голос. – Я точно не знаю, но говорят, что те девчонки, которые с ним… Ну, ты поняла, да?.. В общем, они или потом от него шарахаются, как от огня, или вообще из тусовки уходят…

Кристина серьёзно кивнула, хотя совершенно не поняла, что имеет в виду Катя:

– Спасибо, я буду осторожной.

Они помолчали. Катя достала из сумочки на поясе моточек толстых ниток и странное приспособление: палочку с малюсеньким крючочком на конце, и начала ловко подцеплять им нитку, сплетая что-то вроде цепочки из петелек. Кажется, это называлось «вязать», но Жека об этом ничего не знал, так что Кристина с интересом наблюдала за процессом, одновременно прислушиваясь к тому, что происходит в лагере. Похоже, те двое ушли. Значит, можно выходить из-за шатра, хотя она с удовольствием посидела бы ещё, наблюдая, как в ловких Катиных пальцах возникает цветок из ниток. Было в этом что-то успокаивающее, как здесь говорят, медитативное. Кстати, медитация – вещь полезная, помогает сосредоточиться. Надо будет попробовать. Но не сейчас.

Кристина встала, повернулась – и чуть не налетела на Сэма, который шагнул ей навстречу из-за шатра. Это было невероятно: она не услышала, как он подошёл! И снова она с трудом удержалась, чтобы не шарахнуться в сторону. Всё-таки это хищник… И он сильнее. *Пока*сильнее.

– Кристина, можно тебя на минуточку?

– Конечно, – она улыбнулась Кате и шагнула за Сэмом. Кристина практически не сомневалась, о чём пойдёт речь, и, собственно, вопрос был один: врать или говорить правду? И если врать, то как?

Они отошли за «стену» из «нетканки» – и пальцы Сэма впились в её руку чуть выше локтя. Он рванул Кристину в сторону, в кусты.

– Эй!.. Какого…

Надо было нападать. Ударить в лицо, потом – ногой по ноге, чуть ниже колена, это очень болезненно, даже если Сэм её не отпустит, то ослабит захват, а потом, когда она освободится…

Кристина ничего не сделала. Просто не смогла. Кажется, хищник стал выше ростом, он нависал, давил, и воздух словно завибрировал, наполняясь непонятной силой. Вот теперь опасность была. Непосредственная опасность. И Кристина ничего не могла с этим поделать. Он имел право спрашивать. А она должна была ответить.

– Это ты? Отвечай, быстро! Они тебя вызвали?!

– Нет! Я не понимаю… О чём вы… Я… – и тут она сообразила, что делать. А, главное, ей не надо врать, она может просто говорить правду. И повернуть всё в свою пользу. Как-нибудь. – Я не знаю! Я пришла в себя на поляне, в кровавом круге, я… Я не помню ничего! Я даже не знаю, как меня зовут на самом деле…

Она опустила голову, всем видом показывая, что растерялась и сдалась. Нет, не показывая – она *на самом деле*растерялась и сдалась. Или всё-таки она притворяется? Играет? Кристина сама не могла понять. Но Сэм, кажется, ей поверил:

– Хорошо, – угрожающая сила исчезла из его голоса. Да ладно, он был доволен её ответом! – Но теперь ты действительно будешь моим секретарём.

– Чего?! – она уставилась на Сэма, на его довольную хищную улыбку. Его, похоже, вполне устраивала ситуация. Но если подумать… Кристину тоже всё устраивает. Она хотела легализоваться – вот возможность! А то, что у Сэма какие-то свои интересы – так это нормально, у каждого есть свои интересы и свои цели.

Но играть собой она не позволит. Ни за что.

Мысль была неожиданная, яростная, отчаянная, и, похоже, что-то отразилось у неё на лице, потому что Сэм немедленно добавил:

– Это в твоих же интересах. И только попробуй сбежать.

– И не подумаю!

Сэм одобрительно улыбнулся.

– Я серьёзно, между прочим. После игры обсудим детали...

20 июля 2008 г., воскресенье

Москва. Ул. Петровка, 38 –
Хамовническая набережная, 8.

«Если долго вглядываться в Бездну, Бездна начинает вглядываться в тебя»… Светка обожала с умным видом повторять эту цитату, хотя Грач сомневался, что бывшая знает её настоящий смысл. Сам он, впрочем, его тоже не знал.

Сейчас Грач вглядывался в труп мухи на подоконнике. Это был какой-то уникальный труп: появился прошлой осенью и непонятным образом умудрялся оставаться на месте после всех генеральных уборок. Он даже воскресник пережил, а ведь Евгенич ходил и придирался. Объяснений у Грача было два: или они всё-таки очень плохо убираются, или Лёшка, сосед по кабинету, зачем-то каждый раз подкидывает на подоконник новую дохлую муху. Надо бы её как-то пометить и проверить после очередной уборки. Поставить метку «корректором», спичкой или зубочисткой…

Бр-р-р… Он помотал головой, потёр лоб. Какой только бред ни придёт в голову после, считай, бессонных суток! Грач подремал всего пару часов: у них в кабинете стоял маленький диванчик, объект зависти всего отдела, но он не раскладывался, и спать там было неудобно.

Кофе остыл. Грач сделал глоток и чуть не выплюнул горькую бурду. Несколько секунд тупо смотрел на оставшийся на обложке розыскного дела коричневый круг. Потёр его пальцем – рыхлый картон промок, но совсем чуть-чуть. Папка была старая, потому что новенькие «корочки» для дел канцелярия зажала. Мол, старые для начала изведите. А их вон, целая коробка стоит, и когда они закончатся – неизвестно.

На всякий случай Грач открыл дело и положил на стол Лёхи. Пусть подсохнет, от греха подальше. Прошёлся по кабинету. Взгляд упал на сумку у двери. Эх, Мадлен!.. Вечно бабы от него сбегают. Жена три года назад ушла, а эта вчера пропала. Нагло, без предупреждения, просто взяла и исчезла в ночи, как и появилась. А ведь она ему родной стала. Он даже разговаривать с ней начал, рассказывать, как дела на работе, кого взяли, кого упустили. Ошейник от блох, опять же, купил. Не тусклый коричневый кусок пластика, а розовый, со стразами. В сумке пять кило корма лежит, элитного, не «Вискас» какой-нибудь импортный! А она…

Грач вернулся за стол, потянул к себе очередное розыскное дело. Жалкий убой нынче пошёл, ничего интересного. «Находясь в состоянии алкогольного опьянения, на почве внезапно возникших неприязненных отношений…» Сколько разговоров про запрет оборота гражданского оружия идёт! Вроде преступлений от этого меньше будет. Как же! Да если так рассуждать, надо первым делом кухонные ножи запретить: большая часть бытовухи с ними и совершается. Вон, была тут история, Витька из «тридцатки» рассказывал. Двум очень нетрезвым товарищам даже неприязненные отношения не потребовались: один мазал бутерброды для закуси, второй подошёл сзади: «Помочь?», а приятель возьми да отмахнись, не глядя: «Не надо». Рукой с ножом. Так этот тупой кухонный нож мужику идеально между рёбер вошёл, этаким широким полукругом, зацепил лёгкое, пару артерий… Специально так только Рэмбо какой-нибудь сумеет, в кино. А самое удивительное – алкаш жив остался по итогу.

Грач снова встал, прошёлся по кабинету. Тоска-а… С одной стороны, хорошо, «любимый город может спать спокойно» и всё такое, с другой… С другой надо как-то дотянуть оставшиеся до конца дежурства часы, прийти домой и выспаться. И, может, Мадлен вернулась? Нагулялась – и вернулась. Сидит под дверью и орёт. Требует жрать, требует, чтобы пустили… А что, запросто. Кошки, они такие.

Распахнувшаяся дверь заставила вздрогнуть.

– Грач, хорош балду пинать, – дежурный сунул нос в кабинет. – Убой на «Травке».

– А мы тут при чём? – да понятно, при чём! Значит, не бытовуха, а что-то серьёзное. Вот не было печали… Грач встал и потянулся, хрустнув плечами. Поинтересовался:

– Эксперты выехали уже? – и получил ожидаемый ворчливый ответ:

– Может, тебе ещё и Особую Канцелярию с прокурором до кучи? Дуй, давай, а то Белов с тебя шкуру спустит, если не первый приедешь. Знаешь, как его давеча поимели в главке?

– Это за что это? – Грач надел куртку, достал из сейфа «гюрзу», убрал розыскные дела. Спать уже не хотелось, но под веки словно песка насыпали. – Я вообще того терпилу пальцем не тронул, он сам всё выложил. Сам же и переквалифицировался потом.

– Ага, а к «чистухе» жалобу накатал до кучи: мол, выбивал показания психофизическим ментальным воздействием.

– Не было ничего такого, – без энтузиазма заявил Грач.

– Да? А зачем «Молот ведьм» и «Историю гестапо» на стол выложил?

– Так, эта… Я ж курсовую писал: «Эволюция техник проведения допроса». Сами же на заочку загнали, за высшим образованием…

На «Травке», вернее, в саду Травникова, Грач оказался спустя минут пятнадцать. Несмотря на раннее-раннее утро, уже начали собираться зеваки, и патрульный экипаж тщетно пытался их разогнать. Это в кино места происшествия красиво чёрно-жёлтой лентой обносят, а на деле Грач только раз такое видел, с откровенной заказухой. Тогда дело Канцелярия вела... Впрочем, близко к детской площадке зеваки не подходили, только тянули руки с телефонами. Они явно мечтали о миллионах просмотров в рувидах и вконтактах. Но если Грач правильно понял, такое рувид быстренько заблокирует. Характерный запах очень нехорошего убийства он почувствовал ещё на подходе. Кровь и дерьмо. Плохо.

Он постоял, глядя на толпу, и заговорил устало и, в общем-то, негромко, но тем специфически-властным тоном, который любого заставит обернуться. Грач специально такому не учился, за годы службы оно само получаться стало.

– Так, господа! Сейчас встаём и организуемся в живую очередь, подходим к сержанту, сдаём пальчики и оставляем свои данные. И ещё мне нужны понятые… Шестеро.

– А шестеро-то зачем? – в толпе нашёлся кто-то умный.

– Как зачем?! Согласно приказу министра, теперь надо троих на осмотр места преступления и ещё троих – для передачи трупа в морге, как свидетелей. А то, знаете ли, участились случаи пропажи.

– Трупов? – умник всё никак не унимался.

– Нет, частей. То руки нет, то ноги. А так расписались, засвидетельствовали и свободны. Делов-то часа на три всего… – договаривал Грач уже в пустом парке. Казалось, даже ППСники готовы сбежать.

– Вот ведь напридумывают. И где мне теперь шестерых искать? – грустно протянул старший муниципалов. – Капитан, а по старинке никак нельзя? Типа ещё не знали…

Как же всё запущено… Грач чуть не сказал это вслух.

Части тела, разбросанные по детской площадке, были какие-то очень... неестественные, нарочитые, что ли? Настолько, что если бы не запах, сошли бы за бутафорию: вроде в магазинах приколов что-то такое купить можно. Грач помотал головой, в очередной раз потёр виски. Нет, нельзя так долго не спать. Повернулся к стоящему рядом сержанту и протянул папку:

– Пиши: «Потерпевший обнаружен лежащим на поверхности сада Травникова, в целом головой на восток и ногами к Хамовнической набережной. Одна рука указывает в сторону метро "Парк культуры"….»

Грач был даже рад неизвестному маньяку: жизнь снова перестала быть скучной и одноцветной. Главное, вслух ничего такого не брякнуть – по психологам затаскают. Ну, а если это правда? Это ж не значит, что Грач это одобряет. Просто теперь есть конкретная задача: найти козла и отправить в «Белый лебедь»[1], на вечное поселение. Главное, чтоб эксперты правильно ситуацию поняли. А то из «Чистенькой» – Пречистенской больнички – уже было несколько побегов. Только в этом году трое придурков бежало. Нет, конечно, ежели поселят в Ельцинском парке, тоже будет неплохо, но это вряд ли... Насколько знал Грач, именно так – Ельцинским парком – коллеги в Ново-Николаевске называли спецбольницу в Заельцевском бору. Грач понятия не имел, как расшифровывается её официальное название – ННПБСТИН, да и знать не хотел, никогда там не был и не собирался. Хватило пары визитов в «Чистенькую». Говорят, из больнички в Сибири не сбежать… Но сначала этого мясника выловить надо. Н-да, а ведь если подумать, хорошее название для дурки придумали. Грач не знал, правда ли Председатель Совета министров хотел сместить Императора и отправить его в психушку, да вот только сам «Бориску-на-царство» там дни и закончил. Правда, недолго прожил. Сердце не выдержало. Или печень. Когда много пьёшь, такое бывает. А, может, и помог кто, кто ж теперь разберёт, да и кому оно надо?

Грач поймал себя на том, что уже несколько минут смотрит на отлетевший в сторону тапок убитого, и который раз за это бесконечное утро потёр лоб, собирая в кучку разбегающиеся мысли. Тапочки значили многое. Например, что парень вышел выкинуть мусор. Да, да, выкинуть мусор в пять часов утра. В воскресенье. А почему нет?.. Грач присел, рассматривая лицо молодого человека, удивительно чистое, так, несколько потёков крови засохло. Странно он как-то одет. Конечно, одежда вся кровью залита, но различить а-ля армейские, или как теперь модно говорить, тактические, штаны и тельняшку несложно. И тапочки… Похоже, парень бухал с корешами, а потом вышел покурить, а заодно и мусор выкинуть.

Грач выпрямился, хрустнул шеей. Да что он к этому мусору-то привязался? Только потому, что парень лежит на площадке, а не около подъезда? Ну да, вон там и мусорка, а тут, наверное, присел покурить у песочницы. Грач поднял глаза. «Курение и распитие спиртных напитков запрещены» – гласила надпись, криво привинченная к творению современного пластиково-деревянного зодчества.

– Обход сам проводить будешь или ребят дать? – старший наряда закончил писать, передал папку Грачу и потянул из кармана сигареты. Грач кивнул:

– Дай, один я тут до скончания лет бегать буду. А местные что-то не торопятся. И, это… Ты бы не курил тут.

– А что такого? Ему-то уже всё равно.

– Да он-то тут как раз и покурил, – Грач кивнул на табличку. – Вона как теперь за курение в неположенных местах наказывают…

Не то старший муниципалов был излишне впечатлительным, не то ночью усугублял сильно, но сигаретка так и осталась незажжённой. Она прилипла к верхней губе и смешно дёргалась, пока сержант подбирал слова.

– Спицин! Бери второго и помогите капитану с об… об… – он оторвал прилипшую сигарету, поморщился и зло выкинул в урну. – С обходом! Спицин! Куда, гад, с сигаретой прёшься, сейчас за это руки отрывают, брось, говорю!..

Откуда взялся потерпевший, нашли достаточно быстро. Сам Грач и нашёл, всё-таки начав поквартирник. Хорошо, работы предстояло немного: парк окружали «Ольгинские» пятиэтажки, это не огромные человейники Новой и даже не длинные панельные дома-«распа-

[1] «Белый лебедь» - неофициальное название исправительной колонии № 2 особого режима для пожизненно осуждённых в г.Соликамске.

шонки» Тёплого Стана. ППСники двинулись, как положено, по порядку, а Грач присел на бортик песочницы, огляделся – и взгляд упёрся в угловой подъезд ближайшего дома. Дверь оказалась заперта, Грач уже примерился наугад ткнуть в кнопку домофона, но тут в окошке первого этажа нарисовалась бабулька и начала активно размахивать руками. По её жестам Грач понял, что его сейчас запустят внутрь. Так и случилось.

Он думал, что ждать придётся долго, но бабка оказалась удивительно прыткой, и дверь в подъезд открыла почти сразу. Это была типичная бодрая пенсионерка – бесценный источник информации, если найти подход. К несчастью, эта бабка оказалась типичной и ещё в одном: она была любительницей поговорить. Это Грач понял сходу – бабулька не дала ему рта раскрыть:

– Вы ж из полиции будете, молодой человек? – голос у худенькой щуплой бабульки оказался ей подстать: тоненький и визгливый, он неприятно резал уши, и Грач с трудом сдержался, чтобы не поморщиться. Бабулька не дала ему ответить, продолжила: – Что там случилось-то? Убили кого или снасиловали? Или вас кто из-за этих вот вызвал?

Грач нахмурился. Что-то странное было в словах бабки, странное и очень важное, но сонный мозг отказывался работать. А та продолжала:

– Так давно пора! Я вам всё про них расскажу! Вот, вот эта квартира! Одно бесстыдство от них и беспокойство, – она ткнула пальцем в железную дверь квартиры номер двадцать четыре.

Грач кивнул:

– Хорошо, бабуль, хорошо, – и нажал на кнопку звонка.

Парень в тельнике и домашних тапочках в пять утра. И жильцы, которые раздражают старуху-соседку. Это надо проверить.

Звонок в квартиру не подавал признаков жизни. Грач постучал, потом уже откровенно заколотил кулаком по двери. Бабулька довольно закурлыкала:

– Вы стучите, стучите, там они, там, зенки залили и спят! Шумели всю ночь, людя́м на работу, а они шумели...

– А вы, бабушка, чего не спите? Шесть утра всего! – Грачу было совершенно неинтересно, почему не спит бабка, но нужно же как-то среагировать на её слова.

– Да нам, старикам, много-то не надо, нам...

Бабка внезапно осеклась и начала быстро-быстро отступать спиной вперёд, Грач даже испугался, что она навернётся, собирай её по лестнице… Бабка скрылась в своей квартире, но Грач готов был поклясться, что осталась под дверью, подслушивает. Со слухом там явно всё в порядке: шаги из глубины двадцать четвёртой квартиры она услышала раньше него.

– Ле́гал! Ты что, опять ключи забыл?! Чтоб тебя… – возмущённая тирада, выданная женским голосом, сопровождалась невнятным лязганьем. Такое ощущение, что девица – и весьма похмельная девица, судя по всему – не замки́ открывала, а засовы отодвигала. Большие такие, как в старинных крепостях.

Грач едва успел отскочить – девица открыла дверь махом, даже не спросив, кто там. Открыла – и застыла, вцепившись в косяк. Похоже, твёрдо стоять на ногах ей было сложно. Грач быстро оглядел её: среднего роста и комплекции, длинные светлые волосы, глаза… вроде серые, но тушь размазана так, что кажутся чёрными, лицо округлое, а сейчас ещё и опухшее, мятая футболка, лифчика нет, джинсы без ремня, босая. Похоже, спала в одежде. Спала...

– О! Те чо надо, гоблин?

– Криминальная полиция, капитан Грач.

– Тс-с-с! У нас ни-и-че-е-го нет!

Грач принюхался. От девицы разило перегаром, из квартиры – табаком, алкоголем и… Вроде всё. Хоть это хорошо.

– Ну нет, так нет, – Грач примирительно махнул рукой. – Этого типа знаешь?

Он показал девице фото головы убитого. Снимал так, чтобы скрыть шею, и вроде получилось. Девица загоготала и ткнула пальцем в экран так, что чуть не выбила смартфон из рук Грача:

– Легал, точно Легал! Чой-то он задрых так смешно и на хрена его под зомби накрасили?

– А звать-то его как?

– А х… простите, господин генерал, понятия не имею. Вы вон у Скальда спросите. Он знает. Ик. Только он спит. Ик, – девица начала икать и смеяться одновременно.

– Так, ладно. Я попозже зайду.

– Ик. Хоро…ик…шо.

– Идите, водички попейте, – посоветовал Грач в захлопнувшуюся дверь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.